

Можно без колебания констатировать близость географической среды предков армян и славян с соответствующей экологической зоной (в частности, совпадения в названиях животных⁵⁴ и в ботанических обозначениях).

Данный вывод, основанный на лингвистическом материале, подкрепляется и экстралингвистическими (в частности, этнографическими) данными. Генетическая преемственность проявляется в целом ряде общих черт культовой роли растений, отражаемых и в армянской и славянской языковой традиции⁵⁵, что имеет большое значение как для этно- и палеолингвистики, так и для этногенеза и ранней предыстории армян и славян.

Г. А. Климов

НЕСКОЛЬКО КАРТВЕЛЬСКИХ ИНДОЕВРОПЕИЗМОВ

В настоящей статье в стороне оставлена значительная совокупность накопленных в специальной литературе 'картвельских лексем, часть которых еще с первой половины прошлого столетия внушала некоторым лингвистам гипотезу о возможности отдаленного родства между картвельскими и индоевропейскими язы-

⁵⁴ См.: *Сараджева Л. А.* Индоевропейская животноводческая терминология и ее отражение в древнеармянском и славянских языках. — ИФЗ АН Арм. ССР.

⁵⁵ Кроме вышеприведенных, следует отметить следующие аналогичные проявления ритуалов, связанных с растительным миром. У армян и славян почитаются, кроме деревьев, также и цветы. Особенно интересен мотив брата и сестры, прослеживаемый в армянской и славянской фольклорной традиции. У армян особо почитаемы роза и фиалка. Согласно старинным народным легендам роза (брат) и фиалка (сестра) связаны взаимной любовью. У славян подобные представления прослеживаются в почитании цветка Иван-да-Марья. Происхождение этого цветка объясняется в купальской песне как следствие нарушения брачного запрета между сестрой и братом. Эту песню поют в Купальскую ночь, пока не сгорит колесо и не потухнет костер (см.: *Богданович А. Е.* Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродна, 1895, с. 120).

Следует также отметить и такой обычай, как гадание по цветам (славяне гадают на ромашке — *Anthemis romana*, у армян существует известный обычай *siri-siri* — гадание на трилистнике — *Trifolium*), и такой поэтический обычай, как употребление названий цветов в качестве женских имен.

Большое значение цветов и зелени прослеживается как в армянских, так и славянских ритуалах, отражаемых в народных праздниках: арм. *całkazard* букв. 'цветоукрашение' — 'вербное воскресенье', диал. *carzardar* 'деревцоукрашение'. Причем народ называет эти праздники праздником матери цветов.

У славян в подобных ритуалах девушку, с головы до ног украшенную зеленью и цветами, водят по селению (см. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей, с. 76).

ками (и которая, впрочем, далеко не исчерпывающим образом учитывается в современных ностратических исследованиях). Напротив, предметом внимания здесь избрана небольшая группа слов, которая имеет основания скорее трактоваться в качестве древних заимствований, относящихся, как правило, уже к периоду, последовавшему за «распадом» общекартвельского единства. Следовательно, объектом рассмотрения не являются и древнейшие индоевропеизмы, характеризовавшие еще общекартвельское состояние. Такого рода ограничение материала статьи имеет определенный смысл. Оно продиктовано тем, что именно в этом случае наблюдается довольно показательное распределение лексем внутри картвельской языковой области, анализ которого позволяет высказать некоторые соображения о путях их проникновения. Соответственно, исследование получает дополнительные свидетельства о зоне древних ареальных соприкосновений картвельских и индоевропейских языков.

1. И.-е. **kṛā* 'голова', 'рог' ~ лазск. *kra* (>*kja*), мегрел. *ka*, груз. *rka* 'рог', 'лоза (виноградная)'. Бросается в глаза особая близость лазской формы к индоевропейской. В ее историческом мегрельском соответствии **rka* (>*ka*; ср. отыменный глагол *rkaľua* 'наматывать на рога') дает себя знать характерная для этого языка метатеза консонантного комплекса (ср. также мегрел. *orko* 'золото' при груз. *okro*, мегрел. *rkia* 'дуть, веять' при груз. *krola* и т. д.). Поэтому грузинское слово следует, по всей вероятности, рассматривать как мегрелизм, что оказывается в соответствии с постулируемой вторичностью последовательностей заднеязычных согласных с начальным *r* в грузинском¹. В пользу распространения лексемы с крайнего юго-запада картвельской языковой области на север и восток может также свидетельствовать ее отсутствие в сванском, обозначение рога в котором (ср. лашх. *mičw*) может претендовать на исконность.

2. И.-е. **snusa* 'невестка, сноха' ~ лазск. *nusa, nisa*, мегрел. *nosa, nisa* 'невестка', груз. [*nusa*-?]. Лексема хорошо известна в занской ветви картвельских языков, где налицо и ее производные (ср. лазск. *nusaγa* 'ятровь', 'жена брата по отношению к жене другого брата'). В речевом сознании лазов она представляется старым словом². В грузинском след ее бытования в прошлом обычно усматривают в глоссе *nusadia* 'жена дяди', сохраненной в словарном собрании Сулхана-Саба Орбелиани³, хотя в памятниках древнегрузинской литературы она не засвидетельствована. И в этом случае обращает на себя внимание отсутствие слова в сванском языке (а также в географически близком ему представителе абхазско-адыгских языков — абхазском). Последнее обстоятельство тем более интересно, поскольку это индоевропейское слово оказывается заимствованным и во многих севернокавказских язы-

¹ Утругидзе Ф. Г. Фонематическая система грузинского языка. — Ежегодник иберийско-кавказского языкознания, V. Тбилиси, 1978, с. 62.

² Асатиани И. Ш. Чанские (лазские) тексты. Тбилиси, 1974, с. 158.

³ См. Орбелиани Сулхан-Саба. Соч., т. IV₁. Тбилиси, 1965, с. 600 (на груз. яз.).

ках — в адыгских и большей части нахско-дагестанских⁴ (во всех случаях оно представлено подобно греческой, итальянской и армянской форме без начального сибиллянта). Очевидно также, что кавказские формы отражают уже послепраязыковую перестройку этой первоначально о-основы.

3. И.-е. **klā* 'ключ' ~ лазск. *kila, kola*, мегрел. *kila, kəla*, сван. *kał* 'ключ'. Отсутствие слова в грузинском (груз. *klite* 'ключ' имеет более поздний греческий источник) отчетливо указывает на его приуроченность к западному ареалу картвельской языковой области, где налицо и соответствующий отыменный глагол 'запирать'. К тому же, согласно Г. Деетерсу, сванская форма восходит на правах заимствования к мегрельско-лазскому⁵. В существующей литературе индоевропейская лексема с основанием рассматривается как типичный культурный термин, по всей вероятности, еще в древнейшую эпоху проникший из какого-то семитского источника⁶. Неясно, однако, через какое посредство семитское слово вошло и в некоторые языки Дагестана.

4. И.-е. **g^hern(u)*- 'жернов' ~ лазск. *γurni*, груз. (аджар.) *γurne* 'мельничный желоб'⁷. Лексема, однако, не прослеживается на остальной картвельской территории, характеризуя лишь ее крайний юго-запад. Сван. *gurana* 'пест', отражающее в конечном счете эту же индоевропейскую основу, следует считать древним аланизмом: ср. осет. *kurojnoe* < **kurān*.

5. И.-е. **g^hēb(h)ā*- 'жаба, лягушка' ~ лазск. *mžvabu, (m)žvabu* 'жаба', мегрел. *žvabu* 'лягушка'. В остальных картвельских языках слово прямых соответствий не имеет. Так, груз. *gombešo//gom-bio* 'жаба' напоминает сходные армянские формы, а сван. *jarxw, a(m)pxw, amxw* 'лягушка', вероятно, дескриптивной природы. Древность проникновения лексемы в занскую ветвь удостоверяется реализацией в ней занского передвижения гласных ($e > a, a > o/|u$). Бросается в глаза разное отражение анлаутного согласного в этом и предшествующем слове. Ее близость к славянскому *жаба* уже давно замечена⁸.

6. И.-е. **bher* 'ребенок' (ср. алб. *bir* 'сын') ~ лазск. *bere* 'ребенок, сын'. В других картвельских языках слово отсутствует (хотя его следы нередко усматриваются как в мегрельских, так и грузинских фамильных именах). Его заимствованный характер признает А. С. Чикобава, предполагающий, что усвоение лексемы — факт далекого прошлого, когда лазы обитали не на ны-

⁴ Ср. Абаев, с. 190.

⁵ Deeters G. Bemerkungen zu K. Bouda's «Südkaukasisch-nordkaukasischen Etymologien». — Die Welt des Orients, 1957, 3, S. 389.

⁶ См. Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты. — В кн.: Проблемы индоевропейского языковедения. М., 1964, с. 6.

⁷ Нижарадзе Ш. М. Аджарский диалект грузинского языка. Лексика. Батуми, 1971, с. 366 (на груз. яз.).

⁸ Ср. Чикобава А. С. Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938, с. 118 (на груз. яз.).

нешних местах расселения, а значительно южнее⁹. Встречающемуся сопоставлению слова с чечен., ингуш. *bēr* 'ребенок'¹⁰ мешает не только отсутствие промежуточных звеньев, но и то обстоятельство, что последняя форма исторически восходит к более пространной **bader* (ср. бацб. *bader* 'ребенок' при бацб. 'абик' 'ложка' ~ чечен. *hajg*, бацб. *qadal* 'самка' ~ чечен. *qāl* и т. д.).

7. И.-е. **lat(a)* 'болото, сырой' ~ лазск. *leṭa* 'земля', мегрел. *leṭa* 'грязь, глина' (сопоставление поддерживается и тем фактом, что оба последних значения налицо и в семантике ряда продолжений индоевропейского слова). Лексема характеризует оба картвельских языка занской ветви, отсутствуя в грузинском и сванском. В лазском она представлена преимущественно в атинском диалекте, в то время как в других преобладает *dixa*, что может говорить в пользу древности значений мегрельского слова. В специальной литературе обращалось внимание на сходные формы нахских языков (ср. чечен. *latta* 'земля'), однако отсутствие опосредствующих звеньев затрудняет допущение о проникновении лексемы с северо-востока. Последнему наблюдению Г. Деетерс противопоставляет сближение занских форм с адыг. *йамIэ* 'грязь' (более оправданное, если учесть реальность фонетического процесса $l > j$ в мегрельском)¹¹.

8. И.-е. **u(o)inik-o-* 'витое' ~ лазск., мегрел. *binex-i* 'виноградная лоза', груз. *venax-i* 'виноградник'. В древнегрузинском слово засвидетельствовано в виде *venaq-i*, что лежит и в основе сванского *venāq*. В картвельском словаре лексема стоит изолированно и, в частности она не сводима к следующей за ней в настоящем перечне (попытка Н. Я. Марра приписать ей архетип **uwenaq-i* не может быть признана удачной¹²). Уже сам характер обозначаемой реалии предполагает факт распространения слова с юга. Еще в 50-ых годах В. Георгиев высказывал мысль о происхождении всех этих картвельских форм из индоевропейского источника¹³. По мнению И. А. Джавахишвили, в грузинском слове произошло смещение его первоначальной семантики (действительно, еще в древнегрузинском ему было не чуждо и значение 'виноградная лоза')¹⁴.

⁹ Там же, с. 20.

¹⁰ Ср., например: *Гониашвили Т. Н.* Лексические встречи чеченского с картвельскими языками. — Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры, т. V—VI. Тбилиси, 1940, с. 603—604 (на груз. яз.); *Bouda K.* Südkaukasisch-nordkaukasische Etymologien. — *Die Welt des Orients*, 1957, II, S. 205.

¹¹ *Deeters G.* Op. cit., S. 383.

¹² *Марр Н.* К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. — Материалы по яфетическому языкознанию, V, СПб., 1912, с. 41.

¹³ *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (родственные отношения индоевропейских языков). М., 1958, с. 214—215, 266.

¹⁴ *Джавахишвили И. А.* Экономическая история Грузии, т. II. Тбилиси, 1935, с. 102 (на груз. яз.); ср. *Абуладзе И. В.* Словарь древнегрузинского языка (материалы). Тбилиси, 1973, с. 156 (на груз. яз.).

9. И.-е. **u(о)ino-* 'вино' ~ лазск. *γ(v)ini*, мегрел. *γvin-i*, груз. *γvino-*, сван. *γwin-al* 'вино'. Лексема, хотя и распространена по всей картвельской языковой области, на картвельской почве не этимологизуется и производит впечатление культурного термина. Характер обозначаемой реалии и в этом случае позволяет предполагать ее южное происхождение. В пользу этого предположения свидетельствуют и хорошо известные параллели слову из индоевропейских и семитских языков¹⁵. На усвоение слова из какого-то индоевропейского источника указывал уже Г. Деетерс¹⁶ (ср., однако, сомнения Х. Фогта относительно его сводимости к протоармянскому¹⁷). Вместе с тем неизменное наращение на основу анлаутного *γ*, характерное по существу лишь для сванского языка (и само по себе указывающее на билабиальность последующего *w*)¹⁸, ставит перед этимологами интересную проблему, решение которой в настоящее время едва ли возможно предугадать.

10. И.-е. **guda-* 'кишки, внутренности' ~ лазск., мегрел., груз. *guda* 'бурдюк, мех (для вина, продуктов)', сван. (нижнебалхск.) *gudra* 'кожаный мешок'¹⁹. Хотя это слово, подобно предыдущему, и прослеживается по всем картвельским языкам, встречаясь также в древнегрузинском, оно стоит здесь совершенно изолированно. Сванская лексема, несомненно, усвоена из других картвельских языков, поскольку конечный гласный общекартвельских основ обычно в сванском не сохраняется. Как известно, не получает слово мотивации и в индоевропейском материале (где оно свидетельствуются лишь нижненемецким *kūt*, древнемакедонским *γода* и др.-инд. *guda-*²⁰), откуда вытекает условность «архетипа». Естественно допустить, что слово представляет собой бродячий культурный термин, некогда встречавшийся и в Передней Азии и проникший в картвельские языки, по-видимому, через средство индоевропейских.

Приведенный выше лексический материал представляется показательным по крайней мере в двух отношениях. С одной стороны, будучи по преимуществу закрепленным за занским ответвлением картвельских языков (т. е. за лазским и мегрельским), он обнаруживает довольно отчетливый юго-западный центр своего тяготения. С другой стороны, в большинстве случаев естественно усматривать продвижение соответствующих изолекс в направлении с юго-запада на северо-восток.

¹⁵ *Иллич-Свитыч В. М.* Указ. соч., с. 5.

¹⁶ *Deeters G.* Рец. на кн.: *Die Indogermanen- und Germanenfrage* (hg. von W. Koppers). — *IF*, 1938, 56, S. 139 е. а.

¹⁷ *Vogt H.* *Arménien et caucasique du Sud.* — *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskab*, 1938, В. IX, р. 334; ср. также: *Джаукян Г. Б.* *Общее и армянское языкознание.* Ереван, 1978, с. 212.

¹⁸ Ср.: *Топуриа В. Т.* *Фонетические наблюдения над картвельскими языками.* V. Гуттурализация сонанта *w*. — *Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры*, X. Тбилиси, 1941, с. 231 и след. (на груз. яз.).

¹⁹ *Март Н. Я.* *Яфетические названия деревьев и растений (Pluralia tantum).* I. — *Изв. Академии наук.* Пг., 1915, с. 773.

²⁰ *Mayrhofer* 5, S. 339.

Оба этих обстоятельства оказываются в согласии с неоднократно высказывавшимся в специальной литературе предположением о том, что некогда картвельские языки должны были контактировать с индоевропейскими где-то на крайнем юго-западном рубеже своего распространения. Так, еще в 1934 г. Р. Лафон относил некоторые из подобных индоевропейско-картвельских сходжений на счет древнего «средиземноморского» вклада²¹. Позднее, касаясь отдельных картвельских лексем, имеющих очевидные индоевропейские параллели, А. С. Чикобава приходил к мысли, что их происхождение было обусловлено древнейшими языковыми контактами в пределах Малой Азии²². В предпринятом Г. А. Меликишвили обзоре картвельско-индоевропейских лексических параллелизмов, становление которых невозможно приписать взаимодействию с исторически засвидетельствованными индоевропейскими языками (находившимися в соприкосновении с картвельскими на протяжении последних 2500 лет), автор также приходит к выводу, что эти контакты должны были иметь место в сопредельной области Малой Азии²³. Заметим, наконец, что факты аналогичного порядка, по-видимому, послужили одним из стимулов разработанной в недавнее время Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым гипотезы о прародине носителей древнейшей индоевропейской речи в широкой переднеазиатской полосе, территориально смежной с Кавказом²⁴.

Напротив, трудно допустить по ряду причин возможность проникновения рассмотренной лексической группы с севера, где, как известно, локализовались либо севернокавказские, т. е. абхазско-адыгские и нахско-дагестанские, языки, либо некоторые представители индоиранской ветви индоевропейских языков (недавние исследования О. Н. Трубачева показали, что в севернокавказских языках следует ожидать определенных отложений индоарийского словарного фонда²⁵). Против подобной возможности свидетельствует также характер распределения этих лексем, малоизвестных или иногда полностью отсутствующих на северо-востоке картвельской языковой области.

Наконец, интересный побочный вывод, вытекающий из рассмотренного выше материала, состоит в том, что представленные в нем термины виноградной и винодельческой культур не этимоло-

²¹ *Lafon R. Mots méditerranéens en Géorgien et quelques autres langues caucasiques. — Revue des Etudes Anciennes (Paris), 1934, XXXVI.*

²² Ср.: *Чикобава А. С. Указ. соч., с. 327; Он же. Древнейшая структура именных основ в картвельских языках. Тбилиси, 1942, с. 31 (на груз. яз.).*

²³ *Меликишвили Г. А. К вопросу о древнейшем населении Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1965, с. 242—243 (на груз. яз.).*

²⁴ *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка. — Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 дек.). Предварительные материалы. М., 1972, с. 19—23.*

²⁵ Ср.: *Трубачев О. Н. О синдах и их языке. — ВЯ, 1976, 4; Он же. Некоторые данные об индоевропейском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время. — ВДИ, 1978, 4.*

логизируются на картвельской почве и производят впечатление культурных слов. Такое впечатление поддерживается и множеством других лексем этого круга. Ср., в частности, такие грузинские слова, как *taçar-i*, 'молодое вино' (> мегрел. *taçar-i*, сван. *taçär*), *vaz-i* 'лоза' (> мегрел. *vaz-i*, сван. *wäz*, *γwaz*), *çaça* 'виноградные выжимки' (> мегрел., лазск.), *mtevan-i* 'гроздь (преимущественно о винограде)' (> мегрел. *ṭian-i*), *ṭik-i* 'бурдюк' и др., большинство из которых повторяется в армянском и некоторых других языках. С трудной задачей сталкиваются картвельцы и в связи с названием самого культурного винограда, не обнаруживающего закономерной дифференциации звукотипа, исконных лексем: груз. *qurzen-i*, мегрел. *urzen-i*, лазск. *qurzeni*, сван. *qunzel* < *qulzen* (неясно, связаны ли они с урартским *ulde(ni)* 'виноградник').